

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М80

Художественный редактор *П. Волков*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *А. Руденко*

Морозов, Владислав.

М80 Охота на охотника / Владислав Морозов. — Москва : Эксмо : Яуза, 2020. — 480 с. — (Военно-историческая фантастика).

ISBN 978-5-04-107200-1

Продолжение приключений нашего современника Андрея Черникова в прошлом веке, начатых в романах «Охотник на вундерваффе» и «Охотник на попаданцев».

Теперь роли поменялись — на Черникова, летом 1944 года пытающегося вывезти из Третьего рейха беременную агентессу, ведут охоту не только фашистские спецслужбы, но и прибывшие из далекого и «светлого» будущего недоброжелатели, имеющие боевую подготовку на уровне элитных бойцов штурмового батальона.

Из-за спешки и прямого предательства срываются не только основные, но и запасные варианты эвакуации, а дорога к точке сбора проходит через пылающие фронты и границы охваченной безумием мировой войны Европы. И непонятно, что ждет Андрея в финале спасательной операции — награда или пуля в затылок!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107200-1

© Морозов В.Ю., 2019
© ООО «Издательство «Яуза», 2019
© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Все описанные ниже события вымышлены, любое сходство с реальностью носит исключительно случайный характер.

Начальное лирическое отступление

ФОРС-МАЖОР, ИЛИ РАБОТА, КОТОРАЯ ЛЮБИТ ДУРАКОВ

Россия. Урал. Парк Победы

в г. Краснобельске.

Ночь с 1-го на 2 апреля 20... года

В наши края весна приходит всегда неожиданно и как-то в один день, как, впрочем, и зима. В последнем случае сначала долго тянется осень с ее грязью, слякотью и голыми деревьями, а потом в какой-то день ты просыпаешься и обнаруживаешь, что за окнами лежит сантиметров пятнадцать снега, который уже не хочет таять. Ну а с весной то же самое — к марту умирающая уральская зима надоедает хуже горькой редьки, но все равно ничего толком не тает, поскольку холодно и ночами подмораживает. Но потом, в какой-то момент с крыш начинает течь круглые сутки, и, засыпая под стук этой капли по подоконнику, ты понимаешь, что все — недели через три снега уже не будет совсем. В этом году данная фаза началась в аккурат два дня назад. Да, ребята, теперь уж точно — апрель на дворе и до майских праздников всего ничего.

Вообще в этот вечер ничего не предвещало каких-то резких телодвижений и уж тем более неожиданных проблем. То есть в наше весьма интересное время, когда над всеми нами впервые с 1962 года висит, словно

топор палача, шикарная перспектива третьей мировой войны, проблемы, конечно, есть у всех и всегда, но у таких, как я, они обычно все-таки не носят фатального характера. Тут у меня есть два огромных плюса — я не женат и никогда в жизни не брал кредитов (вообще ни разу то есть). Моим семейным друзьям-приятелям (у которых все сложилось по обычному принципу — пара неосторожных движений, раз, и на тебе, две жены, трое детей, алименты и четыре кредита) в этом плане куда тяжелее. А так — да, платят мало и сплошь и рядом недоплачивают или рассчитываются не вовремя. Только ведь я не в офисе «отбываю с девяти до шести», тужась толкнуть окончательно обезденеженным обывателям какой-нибудь залежалый товар или впарить ненужную им услугу, и не на нефтеперерабатывающем заводе, в газу и вони, по сменам, ворочаю лопатой серный концентрат.

А журналистский труд, он довольно специфический. Вот сегодня, к примеру, сдавал материал из недельной криминальной хроники. И, как обычно у нас — и смех и грех, в стиле «в понедельник мы с мамой решили, что меня изнасиловали». А как иначе оценивать «эпизод», типа «в поселке Гнилодымово Алапайского района, в строящемся доме на пересечении улиц Свердлова и Дзержинского находящийся в состоянии сильного опьянения ранее судимый гражданин Муглагалиев 36 лет нанес также находившемуся в состоянии алкогольного опьянения гражданину Дырову 33 лет, без определенных занятий, более двадцати ударов в голову и грудь фрагментом кирпичной стены, весом 23 кг (?!), с целью завладения мобильным телефоном марки «Sony» (цена тому телефону была от силы рублей 700) и деньгами (около 280 рублей мелочью), после чего,

используя найденный на стройплощадке острый предмет (предположительно — ножницы для резки металла) отрезал гражданину Дырову половой член и нанес около 30 колотых ран». Кстати, довольно типичное для наших краев преступление, учитывая, что на селе сейчас пьют не водку, а вообще все, что горит. Добавлю, что гражданина Муглагалиева с его «богатой добычей» задержали часа через полтора после совершения преступления, а главный вопрос, который углубленно изучали судмедэксперты, — отрезали гражданину Дырову писюн в момент, когда он был еще жив или когда он уже умер? Для следствия это две больших разницы — либо убийство с отягчающими, либо граничащие с садизмом манипуляции со свежим трупом. И, разумеется, ни слова про отрезанный писюн и колотые раны в окончательном варианте газетного текста не осталось. И даже граждане Муглагалиев и Дыров превратились там в безликих «Гражданин А» и «гражданин Я». Типа, кому надо — поймет...

Это в начале 2000-х тогдашний развеселый редактор, наоборот, прибавил бы от себя каких-нибудь смачных подробностей, комментариев и выводов насчет умственных способностей как татя, так и его жертвы, а сейчас — увы... Нынче наше провинциальное МВД ревностно следит за тем, чтобы, не дай бог, не будировать граждан лишний раз. В здешних краях МВД специфическое: с одной стороны, все изображают из себя фантастически целомудренных личностей (якобы не берут взятку, изъясняются исключительно литературным, пушкинским, языком и размножаются делением), а с другой стороны, высокое московское начальство иногда прямо-таки улетает в астрал от сообщений о художествах полицейнеров из Краснобельска. Можно

вспомнить хоть недавнюю историю о том, как прямо в казенном здании два то ли слишком смелых (читай — тупых), то ли принявших некий начисто убивающий инстинкт самосохранения загадочный препарат подполковника и один майор МВД по неизвестному поводу нажрались в кашку и часто-густо-коллективно «надругались извращенным способом» над некой юной, но, похоже, не имевшей твердых моральных устоев дознавательшей из того же ведомства, папа которой (вот же сюрприз для них!) вроде бы оказался генералом из Росгвардии. Правда, потом начались робкие уточнения, типа того, что то ли «надругивались извращенным способом» не все трое, а только один или двое, то ли пьяными были не только они, но и жертва тоже, то ли вообще никто ни над кем не «надругивался», а все кончилось то ли «сексом по обоюдному согласию», то ли вообще дикарскими танцами в полуголом виде, то ли там вообще не было никаких мужиков, а «жертва» на самом деле устроила на месте работы некий лесбийский шабаш с подружками, а всю историю с изнасилованием вообще придумала потом, с дичайшего бодуна. В общем, поорали-пошумели и спустили дело на тормозах, но, как говорится, ложечки-то нашлись, но осадочек остался — все равно обоих подполковников и майора моментально вытурили со службы и взяли под стражу, закрыв в кутузке. Чуть позже, вдогонку за ними, уволили из рядов и саму «жертву» этого странного происшествия, причем с прямо-таки классической формулировкой «за распитие спиртных напитков на рабочем месте». А нашей братии категорически не рекомендовали писать про это, поскольку дело начало пахнуть ведомственными разборками, в ходе которых обычно чувствительно прилетает кому угодно — под трамвай

попадать куда приятнее, чем под какую-либо очередную «кампанию».

Так что не скажу, что наша провинциальная журналистика — это сильно круто, но по нынешнему времени эта работа не лучше и не хуже других. И, с другой стороны, раз в результате этого есть денежка на харчи и оплату коммуналки — все не так уж и плохо. Опять же в активе золотишко, натыренное в финале прошлой «экспедиции», да мимоходом заполученные там же оружейные раритеты, часть которых я, с великими предосторожностями, уже успел распродать.

В общем, тихим первоапрельским вечером я сидел на кухне и ужинал пельменями собственного приготовления. Почему-то не могу есть то, что сейчас в магазинах продают под названием «пельмени». Возможно, от того, что колбасу и прочие полуфабрикаты вполне могут, подобно водке, штамповать из чего-то вроде опилок и гашеной извести, а вот мясо подделывать еще не научились. Поэтому наилучший вариант — сам купил мяса, сам пропустил, сам сделал фарш, потом замесил тесто, раскатал-нарезал да и налепил от души, по семейным рецептам. Конечно, это, как считают некоторые мои знакомые эстеты, дорого, долго и нудно, но зато результат точно превосходит все ожидания. Предвижу брезгливо сморщенные от приведенного выше описания физиономии некоторых столичных снобов, для которых пельмени, как, впрочем, и находящиеся в чьей-то квартире шкафы и полки с книгами — явный признак окончательной быдлоты и нищевродства. Впрочем, некоторые уже считают за подобный признак и, к примеру, наличие телевизора. Но что есть, ребятки, то есть. И мы такие, какие есть, и ни нас, ни вас уже не переделать. Никому и никогда.

Мое одиночество скрашивал глухо бормотавший на холодильнике в углу кухни голосами двух модных политобозревателей старый, но надежный радиоприемник. Один из радиоголосов говорил о том, что Европе уже пора свыкнуться со своей вечной ролью грядущей грязи под танковыми гусеницами, причем без разницы, в какую сторону опять поползут эти гусеницы. Разве что в этот раз грязь может быть радиоактивной. Бездна юмора и оптимизма, короче говоря. Второй голос вполне соглашался с ним, добавляя, что, если все-таки дойдет до «самой последней войны», никакая ПРО ни Европе, ни Америке не поможет. А если президент США со своей кофдой думает, что сможет отсидеться в каком-нибудь уютном бункере, он сильно заблуждается насчет того, что ему, после всего, будет кем управлять. Первый голос добавил, что должность «Президент Ничего» — это круто, вполне в духе всей этой, как он изволил выразиться, «свидомой шелупони». Наши вожди и их перспективы в аналогичной ситуации в разговоре практически не фигурировали. Как будто нашим министрам и губернаторам будет кем и чем руководить после таяния сугробов ядерной зимы, если, конечно, они сами к этому моменту каким-то образом уцелеют. Как мне думается, при таком варианте кто-нибудь из чудом уцелевшего и сильно одичавшего электората непременно проломит им черепушку ржавой арматуриной. Впрочем, сейчас очень многих грела одна лишь мысль о том, что если мы умрем сегодня, то они (то есть те, кто затихарился за океаном) все равно умрут завтра. Но умирать раньше времени все равно не хотелось ни «нашим», ни «ихним»...

И, отправляя в рот очередной, вываленный в сметане пельмень, я моргнул, после чего вдруг обнаружил

за кухонным столом напротив себя то, что ну никак не ожидал увидеть здесь и сейчас. А именно — знакомый лик Блондинки по имени Анна, в светлой блузочке и темных брюках. Она сидела и вопросительно-выжидательно смотрела на меня. Понимая, что это может быть надолго, я почти мгновенно доел четыре оставшихся на тарелке пельменя (в сильно остывшем виде этот продукт не столь питателен) и, не сделав никакой паузы и ничего не сказав, со всего размаху ткнул вилкой в знакомое личико — кухонный стол у меня не сильно широкий. Как я совершенно правильно предположил, вилка вошла в пустоту, немного не дойдя до стены, где-то на уровне носа Блондинки. А это означало, что явилась она ко мне в привычном виде голограммы. Очень интересно. Я залпом допил чай из кружки и только после этого поинтересовался:

— Ну, здравствуйте. Чем обязан? Вроде ни о чем подобном уговоров не было, возвращение от 23 февраля было недавно...

— Я тоже рада тебя видеть, — ответила Блондинка и сразу же, с места в карьер, перешла к делу: — Увы, но обстоятельства складываются таким образом, что тебе срочно нужно сходить в 1944 год..

— В наш 1944 год? — уточнил я. А то мало ли, ведь с ними никогда не знаешь, чего ждать. Здесь я поймал себя на мысли, что упорно называю Блондинку на «вы», а она мне снова «тыкает». И опять это получилось как-то произвольно, словно помимо воли.

— Естественно.

— Да ну? Опять? Я не раз и не два говорил, что с меня той войны, наверное, хватит. Тем более что мне туда вроде бы дорога заказана? Ведь у нас с вами уже был разговор на тему того, что я никогда не смогу повтор-

но попасть в одно и то же время и место?! Причем это утверждали именно вы!

— Все верно. Но ведь ты же не в октябрь 1941-го пойдешь и вовсе не на фронт под Москву..

— Замечательно. То есть мне надо будет учитывать тот упрямый факт, что где-то у линии фронта бегаю еще один я, под личиной старшины Красной армии Потеряхина. Ей-богу, получается прямо как в «Назад в будущее-2».

— А в чем проблема? — изобразила непонимание моя собеседница.

— Да ни в чем. Ладно, будем, как обычно, считать, что вам виднее. Задам обычный для меня дурацкий вопрос — и почему опять я?

— На это будет столь же привычный ответ. Возник неожиданный форс-мажор, а свободных агентов, да еще и с кое-каким опытом, ближе тебя, увы, нет.

Чем дальше, тем больше у меня складывалось ощущение, что в этой странной конторе из будущего нет вообще никаких других агентов, раз уж меня каждый раз превращают в затычку для очередной бочки. Вслух я об этом, разумеется, не сказал.

— Допустим, — вроде бы нехотя согласился я. — И в чем, собственно, дело?

— Надо всего лишь срочно забрать и доставить к порталу для переброски к нам одного агента.

— И только-то? А вам не кажется, что вы меня несколько переоцениваете? И потом — вы же все из себя такие крутые. Ваш агент что, не в состоянии сам добраться из пункта А в пункт Б? Он что — руки-ноги переломал?

— Здесь есть пара сложностей.

Вот всегда у них на ровном месте какие-то сложности. Хотя, кажется, еще придурковатый американский

генерал Паттон когда-то говорил о том, что если у тебя что-то идет строго по плану, то впереди явно ждут неизбежные неприятности.

— Например? — на всякий случай уточнил я. Интересно же, в конце концов...

— Во-первых, наш агент женщина, и, увы, она в интересном положении.

— Господи, — вырвалось у меня. — И как это ее угрозило? Ну, хотя, да — дело житейское: «Ты кого хотела — мальчика или девочку? Я вообще-то хотела всего лишь шнурок завязать». А представления о гондонах, сиречь, если выразаться культурно, презервативах, у этих ваших людей из будущего, как обычно, никакого... Ладно, допущу подобный вариант «небоевых потерь». Ну и что с того? Я-то здесь при чем? Я же по этой части не специалист, не акушер и даже не парамедик. Или там все настолько плохо?

— Не то слово. Ее непосредственное начальство ослабило контроль, и, в нарушение всех правил и инструкций, рабочие отношения с одним «аборигеном» переросли в бурный роман с соответствующими последствиями, которые вполне можно было предполагать. Естественно, наше руководство в затруднении, поскольку это чуть ли не первый случай, когда женщину в таком состоянии будут возвращать обратно...

— Ага, стало быть, намечается не просто переброска, а некий очередной эксперимент на живых людях? Интересно...

— Да называй это как тебе угодно. Твоя задача простая — найти и препроводить интересующее нас лицо в целостности и сохранности до портала перехода, проследить, что объект отправился в нужном направлении, а потом вернуться. Только и всего. До родов и прочих ос-